

Е. И. Якубовская E. I. Yakubovskaya
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

Фольклор Пинежья Folklore of Pinega в творчестве Федора in Fedor Abramov's Абрамова works

Аннотация

Пинежье издавна считается заповедным песенным краем. Записывал фольклор на своей «малой родине» и Федор Абрамов. В поисках яркого, характерного народного слова он делал многочисленные словесные зарисовки, заметки, заносил в записные книжки, с которыми не расставался, частушки, песни. В творчестве писателя можно найти образцы всех основных фольклорных жанров пинежской традиции. Для любого уроженца Пинежья, заставшего в детстве и юности традиционный быт, обряды и праздники, свадьбы и гулянья-«мечіцца», одно лишь название, первая строка некоторых песен, являются неким знаком, кодом определенного момента жизни, обряда. Таковы и герои произведений Абрамова, впитавшие этический и эстетический мир традиционной жизни. В статье Е. И. Якубовской приводятся примеры, где факт исполнения песни становится ключевым, поворотным моментом в развитии сюжета, а полнота представления о маркируемой данной песней обрядовой ситуации позволяет глубже раскрыть психологическую мотивацию поведения героев.

Ключевые слова: Федор Абрамов, фольклор Пинежья, драматургия романов повестей

Abstract

Pinezhsky district of the Arkhangelsk region is very rich in traditional folklore. The writer Fedor Abramov, who was born in these places, recorded folklore in his homeland. In search of bright, characteristic folk expressions, he made numerous notes, wrote ditties, songs in his notebooks, which he did not part with. In the works of Abramov you can find samples of all the basic folklore genres that existed at Pinega. For any native of these places, the traditional way of life, rituals and holidays, weddings and festivities, even the name, the first line of some songs is a certain sign, the code of a certain moment of life or rite. Such are the heroes of Abramov's works, brought up on the ethical and aesthetic ideals of the people's life. In the article by E. Yakubovskaya are given examples where the fact of the performance of the specific song becomes the key moment in the development of the plot, allows deeper to disclose the psychological motivation of the behavior of the characters.

Keywords: Fedor Abramov, folklore of Pinega, dramaturgy of novels

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-233-269

Пинежье¹ издавна славится как заповедный песенный край. Вот уже более ста лет снаряжаются в пинежские деревни фольклорные экспедиции — академические и студенческие, филологические и музыкально-этнографические,

¹ Поселения в бассейне реки Пинеги — ныне Пинежский район Архангельской области.

комплексные и специальные, и просто любительские. И, как правило, они возвращаются не с пустыми руками, хотя, конечно, объем записанного материала и его качество с годами невосвратимо теряются.

Записывал фольклор на своей «малой родине» и Федор Абрамов. В студенческие годы, еще до войны ему довелось записать былину об Илье Муромце и станичниках (разбойниках) от И. А. Ломтева из с. Карпогоры². В свои зрелые годы, во время поездок на родину, он в течение многих лет постоянно делал многочисленные словесные зарисовки, заметки, заносил в записные книжки, с которыми не расставался, местные частушки, песни: «В любой деревне есть мастера и мастерицы речи, и на моей родине живет немало старух, с которыми я встречаюсь каждый год. Мне просто доставляет неизъяснимое удовольствие слушать их разговор, саму интонацию... <...> Я с любовью записываю поразившие меня выражения»³. «Люблю слово душистое, напоенное соками земли, слово игривое, с ухмылкой, в котором обобщен опыт столетий»⁴. Федор Александрович пишет жене по дороге в родную Верколу, что «уже заполнил две записных книжки»⁵. Его маршруты охватывали не только Пинежье: «Более тысячи километров проехал по Мезени, был у зырян, пылил по родной Пинеге... Да, и еще километров на сто от Пинеги спускался по Кулою...»⁶.

Собирательская деятельность Абрамова неотделима от его писательства. Паренек родом из глухой деревни, мечтавший об университете, в юности стеснявшийся своего крестьянского происхождения, став писателем, осознает, что принадлежит к великой традиционной культуре (он любовно называл ее «патриархальщиной»⁷), но... слишком мало ее знает! Он понял, что истинные герои,

² Запись в виде машинописной копии хранится в Рукописном Отделе Пушкинского Дома: РО ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 4. Ед. хр. 1. Зап. 13 августа 1939 г. в д. Карпова Гора Карпогорского с/с Карпогорского р-на (ныне с. Карпогоры Пинежского р-на) от Ломтева Ивана Александровича, 63 лет. Этого исполнителя еще в 1927 году записывали Н. П. Колпакова, затем Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Запись Абрамова опубликована в пинежском былинном томе Свода русского фольклора (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т. Т. 7: Былины Пинеги. СПб.: Наука, 2012. № 34). О факте записи Ф. Абрамовым былины в с. Карпогоры нам сообщила д. филол. н. Т. Г. Иванова, за что мы приносим ей сердечную благодарность.

³ *Абрамов Ф. А.* Язык, на котором говорит время: Ответы на вопросы «Литературной газеты» // *Абрамов Федор.* Собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Художественная литература, 1993. Т. 5. С. 218.

⁴ *Абрамов Ф. А.* О языке // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1993. Т. 5. С. 452.

⁵ *Абрамов Ф. А.* Письмо к Ф. Ф. Мельникову от 18.05.1959 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 440.

⁶ *Абрамов Ф. А.* Письмо к П. А. Худякову от 29.08.1972 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 458.

⁷ «Бережем среду, а о сохранении духовных ценностей нет заботы. Больше того — гонение. Гонение на патриархальность. А ведь патриархальность — та почва, на которой родились сказки. Патриархальность — совесть и т. д., да ведь это и неуважение к своим предкам. А ближе — к своим отцам и матерям. Все наши матери очень патриархальны. <...> Прошлое

о которых нужно рассказать миру — его собственные мать, братья и сестры, его односельчане. И он устремился на родину: за характерным словом, за судьбами, за характерами. «Когда я приезжаю в деревню, — писал он, — то буквально омываюсь в живых родниках речи. Слушая родную “говорю”, я чувствую себя счастливым. Через слово возвращается ко мне мое детство, открывается та среда, откуда вышел я и все мои герои»⁸.

Несколько десятилетий продолжалась эта историко-этнографическая экспедиция Абрамова. В центре его внимания была история Пинежья, начиная с Гражданской войны, которая для него была неким ключом к последующим историческим событиям, и в немалой степени, ключом к характерам его героев, сверстников и современников. Его интересовали также фигуры великих пинежан, среди которых Марья Дмитриевна Кривополенова, о. Иоанн Кронштадтский⁹. В поисках истоков пинежских характеров и традиций побывал также в Новгородской области, затем на Алтае: не случайные маршруты, отчасти связанные и с многолетней его дружбой с Н.Л. Котиковой¹⁰.

Многое в пинежском фольклоре открылось ему благодаря общению с коллегой по Ленинградскому университету, Галиной Яковлевной Симиной. Диалектолог, собравшая значительную коллекцию пинежского фольклора, щедро делилась своими открытиями с писателем. «Я все еще под впечатлением от нюхченской старухи¹¹, — пишет он. — Удивительная старуха!»¹². Федор

беззащитно, и его надо оберегать» (Абрамов Ф.А. Дневниковые записи: О сказке // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 164–165).

⁸ Абрамов Ф.А. Язык, на котором говорит время: Ответы на вопросы «Литературной газеты» // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1993. Т. 5. С. 219.

⁹ «В 60-м году, когда я на плотике промахал всю Пинегу — сверху донизу — я в каждой деревне о нем [об Иоанне Кронштадтском] спрашивал. <...> У меня много насобрано всяких былей и небылиц об И. К. Жена моего двоюродного брата, монашка, превыше всех святых его чтит» (Абрамов Ф.А. Письмо к П. А. Худякову от 18.09.1974 / Письма // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 460).

¹⁰ Абрамов писал о ней: «Из народной глубинки, из нижних этажей жизни черпала она словесные и песенные богатства и щедро и бескорыстно одаряла ими своих друзей, своих коллег. <...> она была по существу соавтором многих произведений, созданных ленинградскими композиторами. Это я мог бы сказать и по отношению к себе как писатель, ибо и я пользовался дарами Натальи Львовны» (Абрамов Ф.А. о Н.Л. Котиковой // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1993. Т. 5. С. 366).

¹¹ По всей видимости, имеется в виду Анастасия Алексеевна Меньшина — «жительница деревни Нюхча, родом из той же деревни. Ей девяносто лет, она неграмотная. Но Анастасия Алексеевна — прекрасная рассказчица, много знает сказок и былей. Прожила она трудную жизнь, рано овдовела, вырастила четырех сыновей, но все они погибли на войне <...> А.А. Меньшина — свидетель многих событий. Помнит она, как появился на Пинеге первый пароход, как создавались на Пинежье колхозы, и многое другое» (Пинежские сказки / Собранны и записаны Г.Я. Симиной. Архангельск: Северо-Зап. книжн. изд-во, 1973. С. 38).

¹² Абрамов Ф.А. Письмо к Г.Я. Симиной от 18.12.1967 / Письма // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 259.

Александрович в письме просит отпечатать доклады Симиной об экспедициях: «Ведь для меня, пинежанина, в них все дорого и бесценно. И многое ново! А мысль о поездке в Нюхчу мне засела гвоздем. Земной поклон Вам и вечная благодарность»¹³.

Таким образом, направленность поисков писателя сродни работе фольклористов, только другой акцент на разные составляющие материала. Фольклористы, также как и писатель, стараются зафиксировать истории жизни народных исполнителей, их интересные выражения, мысли и рассуждения, взгляды на жизнь. Для Абрамова как раз это и является основным материалом, а собственно фольклор он записывает попутно. «У нас на Севере широко распространен такой своеобразный фразеологический оборот: “Живете ли вы?” (то есть проснулись ли, на ногах ли). Колхозный бригадир так и заявляет о себе под окошком: “Эй, Марья, живешь, нет?” В этом обороте, как в фокусе, отразилась психология северного крестьянина, человека, отличающегося невероятной работоспособностью. Для северного крестьянина слово “жить” равнозначно слову “работать”»¹⁴.

Многое писатель помнил с детства. Когда тот или иной словесный материал из его памяти «просился» в художественный текст его произведений, он старался его дополнительно выверить, дополнить, уточнить, расспрашивая родных, соседей по родной Верколе. «У меня к тебе большая просьба: — пишет он двоюродной сестре, — сообщи текст молитвы, которую, бывало, читала на ночь хозяйка дома. Содержание примерно такое: Господи, благослови дымнички, воротнички, окошечки, а еще раньше слова во здравие всех близких: детей, мужа и т. д. Эту молитву у нас, хорошо помню, всегда читала мать. Наверняка читала и твоя...»¹⁵. Другой сестре пишет: «Федоровна! Твою присказку (помнишь, за карасятами на Смутове ходили?) попрizaбыл, но как только вспомню наш поход, так и тянет на смех»¹⁶.

Федор Абрамов был прямым наследником традиции своей «малой родины». В середине XX века, когда происходят события, описанные Абрамовым, речь и мышление жителей Пинежского района, да и быт их, и даже костюм сохраняли еще очень много традиционных элементов. Помню, как поразила нас, студентов консерватории, впервые попавших в эти края в 1980-х годах, одежда двух пожилых пинежанок — словно ожившая иллюстрация к сказке или былине. В старинных косоклиньных сарафанах-синяках, подпоясанных

¹³ Абрамов Ф. А. Письмо к Г. Я. Симиной от 18.12.1967 / Письма // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 260.

¹⁴ Абрамов Ф. А. Язык, на котором говорит время: Ответы на вопросы «Литературной газеты» // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1993. Т. 5. С. 219.

¹⁵ Абрамов Ф. А. Письмо к Н. А. Клоповой от 21.01.1983 / Письма // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 367.

¹⁶ Абрамов Ф. А. Письмо к А. Ф. Абрамовой / Письма // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 285.

многоцветными ткаными поясами и в выцветших кумачовых повойниках, покрытых платками «домиком», они шли по угору (высокому берегу Пинеги), направляясь в местный сельмаг за хлебом. Невольно вспомнилось свидетельство Н. П. Колпаковой, оставившей в полевом дневнике пинежской экспедиции 1927 года такое описание костюма местных жителей: «Женщины тут ходят в сарафанах, у молодых на головах кички с ленточками»¹⁷. Очевидно, как раз за прошедшие более чем полвека «молодухи» успели стать старушками, но не изменили своему привычному и удобному будничному наряду.

В этом же дневнике Наталья Павловна описывает диалог со своей новой подругой — местной девушкой Таей Рябовой:

« — В байну? Сейчас? Наташа, окстись ты! — вскрикивает Тая с ужасом.

— А что такое?

— Ой, очумела ты, дева, право!

Тая глядит на меня в совершенной панике. Я ничего не понимаю.

— Да в чем дело?

Оказывается, в местном быту издревле сохраняется “верное” предание: с двенадцати часов ночи до первых петухов в бане хозяйничает “банная обдериха”, род банной ведьмы, которая может в эти часы сделать с человеком все, что захочет, — может задушить его, ошпарить кипятком, исхлестать до полусмерти веником. <...>¹⁸

Тая не без суеверного ужаса передает мне все это. И то, что я все-таки иду в баню, кажется ей невероятным геройством»¹⁹.

В рассказе Федора Абрамова «Куда девалась нечистая сила» мы видим подобные же представления.

«Идем с Евдокией, подругой моего детства, задворьем, возле болота, мимо тех мест, где когда-то стояли гумна, овины, черные бани.

¹⁷ Колпакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста) / Изд. подгот. А. Ф. Некрылова, А. В. Грунтовский; вступ. ст. В. Е. Гусева. СПб.: Русская земля, 2002. С. 65.

¹⁸ Многозначием в угловых скобках обозначаются выпущенные фрагменты цитируемого текста — Е. Я.

¹⁹ Там же. С. 63. О банной «обдерихе» по материалам пинежской экспедиции ГИИИ подробнее см.: Карнаухова И. В. Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 83–84, с дополнительной ссылкой на публикации Богатырева (Богатырев П. Г. Вераования великорусов Шенкурского уезда Архангельской губернии // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 12) и Ефименко (Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко // Труды Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. М., 1877. Кн. 5. Вып. 1. С. 165).

Евдокия вдруг признается:

— Я, бывало, страсть боялась одна ходить этой дорогой. Все бегом, все с сердцем у горла. Что ты, ведь тут видимо-невидимо всякой нечистой силы жило: в каждом гумне гуменник, в каждом овине оvinник... А байницы-то, волосатки-то эти страшные с кошачьими глазищами! Так и кажется, на тебя из каждого окошечка раскаленным глазом зырят.

Евдокия помолчала и — не в ее характере было не договаривать — призналась:

— Да мне и теперь по́темни одной не пройти этими местами. Сробею.

Я спросил с легкой усмешкой, пытаюсь ею прикрыть свое смущение — ведь и во мне, наверно, ожили бы прежние страхи, если бы я, скажем, оказался тут один осенней кромешной ночью:

— А как ты думаешь, куда девалась вся эта нечистая сила? Умерла вместе со старыми гумнами, овинами, банями?

Евдокия не задумываясь ответила:

— Почто умерла-то? В людей переселилась. Смотри, сколько всякой нечисти развелось»²⁰.

Если внимательнее присмотреться к текстам произведений писателя, действие которых происходит в военной и послевоенной пинежской деревне, мы увидим довольно много фрагментов фольклорных произведений. Они встречаются нечасто, но введены писателем очень точно и к месту: раскрывают внутренний смысл описываемой ситуации, ее подтекст, дают дополнительный образный ряд. По существу, мы найдем здесь образцы всех основных фольклорных жанров, имеется даже упоминание былинного Ильи Муромца. «Илья Муромец тоже тридцать лет и три года на печи сидел, да еще сидел-то сиднем, а не о прыгунах-летунах былины у людей сложены, а об ем», — увещевает «летуна» Егоршу старик Евсей Мошкин, приводя ему в пример Михаила Пряслина, который «на печи у себя всю жизнь высидел»²¹.

Разумеется, у Абрамова чаще всего встречаются романсы, «поздняя» лирика и частушки — те жанры, которые оставались актуальными для жителей северной деревни того времени, наряду с популярными советскими песнями. В цикле романов о Пряслиных замечательно точно подобранные частушки раскрывают эмоциональный подтекст событий.

В романе «Две зимы и три лета» на празднике победы бабы пляшут под Егоршину игру на гармошке с частушками, которые поет «бедовая» Варвара:

²⁰ Абрамов Ф.А. Куда девалась нечистая сила / Трава-мурава // Абрамов Ф.А. Жарким летом: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 329.

²¹ Абрамов Ф.А. Дом: Роман. Кн. 4, ч. 2, гл. 4 // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1991. Т. 2. С. 363. Нам представляется также, что имя одного из героев, Ильи Нетесова — деревенского кузнеца, защитника Пекашина, рассудительного и серьезного, обладающего большим моральным авторитетом в деревне, Абрамов выбрал не случайно, поскольку в традиции оно привычно ассоциировалось с былинным персонажем.

«Никому не осмеять
Меня, вертоголовую.
Ребята начали любить
Двенадцатигодовую»²².

«— Егорша! — взвилась Варвара. — Играй! Плясать хочу!

— Варка, Варка, бессовестная! Ты хоть бы Терентия-то вспомнила...

Варвара, молодая, нарядная, в голубом шелковом платье, туго, по-девичьи, затянутая черным лакированным ремешком со светлой пряжкой, выскочила на середку избы, топнула ногой.

— Помню! Тереша меня за веселье любил.

Говорят, что я бедова,

Почему бедовая?

У меня четыре горя —

Завсегда веселая.

— Ну, разошлась офицерова вдова.

— Да, не хухры-мухры! — Варвара вскинула руки на бедра, с вызовом обвела всех бесшабашным взглядом. — Офицерова вдова!

Егорша дугой выгнул розовые мехи гармошки.

— Варка! Варка! Про любовь! — вдруг ожили женки.

На войну уехал дроля,

Я осталась у моста.

Пятый год пошел у вдовушки

Великого поста.

— Охо-хо-хо! Врешь, Варка! Врешь!

— Не вру, бабы! Песня не даст соврать:

Кто не знает — заявляю:

Я не избалована

Всю германскую войну

Ни разу не целована»²³.

Девичьи частушки звучат на работе и на гулянье:

«На германскую границу

Накидаю елочек,

Чтоб германские фашисты

Не убили дролечек»²⁴.

«Пекашино гуляло. <...>

У миленочка одиннадцать,

Двенадцатая я.

²² Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета: Роман. Ч. 1, гл. 5 // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1990. Т. 1. С. 306.

²³ Там же. С. 303.

²⁴ Абрамов Ф.А. Братья и сестры: Роман. Гл. 2 // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1990. Т. 1. С. 17.

Он по очереди любит,
Скоро очередь моя.

Задушевная подруга,
Супостаток сорок семь.
Я на это не обижусь,
Поголять охота всем.

Горе нам, горе нам,
Горе нашим матерям.
Выдай, маменька, меня
Не будет горя у тебя»²⁵.

Лирические песни и романсы позднего историко-стилевого слоя Абрамов также вводит в текст с целью полнее раскрыть ту или иную ситуацию. Так, в романе «Две зимы и три лета» песня «Аленький цветочек» по ходу действия лишь упоминается, но не приводится ни одной строки: на празднике певуны предпочитают ей плясовые частушки, приведенные нами выше, которые писатель выстраивает по сюжету, раскрывая характер героини — Варвары Иняхиной²⁶. Цитируемые далее по ходу действия слова песен «Шел мальчишко бережком»²⁷, «Во пиру была да во беседушке»²⁸ создают поэтический контрапункт к описанию поведения героев романа. Такой же песенной параллелью в повести «Мамониха» звучат и частушка, и разудалая песня «Бывали дни весёлые»²⁹, в повести «Пелагея» — «жестокый» романс «Позабыт-позаброшен»³⁰. Песенный «фон» в произведениях Абрамова дополняют популярные авторские песни: «Каким ты был, таким остался» из кинофильма «Кубанские казаки»³¹, «Не плачь, девчонка» (в сцене проводов в армию)³².

Какие бы песни ни звучали в быту современной Федору Абрамову северной деревни, они оставались важной частью духовной жизни крестьян-колхозников. Значение песни как общекультурного феномена косвенно показывает

²⁵ Абрамов Ф.А. Пути-перепутья: Роман. Ч. 2, гл. 7. // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1991. Т. 2. С. 158.

²⁶ Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета. Ч. 1, гл. 5. С. 303.

²⁷ Там же. С. 307.

²⁸ Там же. С. 308.

²⁹ Со слов: «Бывало, вспашешь пашенку». См.: Абрамов Ф.А. Мамониха: Повесть // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1991. Т. 3. С. 281, 286. Песня «Бывали дни весёлые» упоминается и в цикле романов о Прыслиных (Абрамов Ф.А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета» // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1990. Т. 1. С. 584).

³⁰ Со слов: «На мою на могилку знать никто не придёт». См.: Абрамов Ф.А. Пелагея: Повесть // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1991. Т. 3. С. 45.

³¹ Абрамов Ф.А. Пути-перепутья. Ч. 3, гл. 4. С. 212 («Зачем, зачем ты снова повстречался, / Зачем нарушил мой покой?»).

³² Абрамов Ф.А. Дом. Ч. 3, гл. 1. С. 457.

эпизод в романе «Братья и сестры», где Анфиса Петровна Минина, в самую тяжелую военную годину взявшая на свои плечи руководство колхозом, узнает о немецком наступлении, в результате которого противник вплотную придвинулся к Волге.

«В этот день ей было особенно тяжело. Утром конюх Ефим, помогая ей запрягать коня, хмуро сказал:

— Слыхала, немцы на Волгу вышли... <...>

Страшный смысл Ефимовых слов дошел до нее тогда, когда она, переехав болото, стала поить коня в ручье.

«Да ведь это же Волга! Волга...» — изумилась она.

Ни разу в жизни не довелось ей бывать дальше районного центра, и она не знала даже, как выглядит город. Но Волга, Волга-матушка... Да не проходило праздника в деревне, чтобы о ней не пели! И каждый раз, когда она слышала песенные разливы или подпевала сама, в душе ее поднималось что-то большое, широкое и светлое. И вот уже лиходеи на Волге...»³³.

Мужчины — герои Абрамова — поют песни любимого мужского репертуара, сформировавшегося в первые десятилетия XX в. в среде крестьян-отходников, солдат, почерпнутого от многочисленных ссыльных, которых было много в архангельском краю, а затем пополненного песнями времен Гражданской войны. «Ассамблеи под елью — Игната Поздеева придумка — обычно заканчивались песнями. Пели про Стеньку Разина, про Ермака, пели старые революционные: “Смело, товарищи, в ногу”, “Наш паровоз, вперед лети” и непременно “Ты конек вороной”³⁴ — любимую песню Калины Ивановича»³⁵.

Совместное пение дарит мужикам незабываемые моменты душевного единения, согласия. «Удивительно, что делала с людьми песня! Еще каких-то десять-пятнадцать минут назад сидели, переругивались, язвили друг друга, а то и кулак увесистый показывали, а тут разом светлели лица, голоса сами собой приходили в согласие, в лад»³⁶.

В деревенском быту всегда были популярны «малые» жанры традиционной прозы, свойственные специфически мужскому репертуару. У Абрамова и этим ярким и характерным историям, с немалым изяществом трактующим «скромные» темы, находится свое место. В романе «Две зимы и три лета» есть сцена: беседуют два приятеля, совсем молодые парнишки. Бойкий, «повидавший виды» Егорша рассказывает скромному, простодушному Михаилу сказку-анекдот про

³³ Абрамов Ф.А. Братья и сестры. Гл. 42. С. 227.

³⁴ «Там вдали за рекой» — популярная песня о событиях Гражданской войны на слова Николая Кооля («Смерть комсомольца», 1924).

³⁵ Абрамов Ф.А. Дом. Ч. 1, гл. 8. С. 327.

³⁶ Абрамов Ф.А. Дом. Ч. 1, гл. 8. С. 328.

«аппетит»³⁷. Тот, с детским смущением, хотя и слушает приятеля, но сам рассказать такое не решился бы. А вот взрослые бабы — примета горького военного времени — решаются. В сцене сенокоса из романа «Братья и сестры» одна из женщин-солдаток рассказывает товаркам «соленую» сказку «Как бабы справедливости искали»³⁸ — такие в прежние хорошие времена только в мужской компании и рассказывались. Только вот мужиков-то нет — война прибрала, вот женщины и тешат себя мужскими байками...

В жизни героев произведений Абрамова встречаются ситуации, когда вновь становятся актуальными, казалось бы, уже было исчезнувшие из обыденной сельской жизни заговоры и причитания — жанры, которые требовали от носителей традиции особых знаний и дарований. Но в урочный час приходит черед и этим словам, полным обрядовой мощи, веры «подвигающей горы», и поэзии, объединяющей во вдохновенной импровизации вековечный канон и сегодняшнее жгучее горе.

Заговор звучит в повести «Мамониha», где старуха-знахарка спасает ребенка от приступа удушья. В композиции повести этот эпизод занимает центральное место, знаменуя момент утверждения традиционных ценностей, момент единения городских людей, отпавших от них, с человеком из уходящего в прошлое деревенского мира.

«— Не бойся, не бойся, золотко. Бабушка тебе здоровья принесла. <...>

Слабо, как далекий вздох, как утренний ветерок в листве, прошлестели давно знакомые слова: “Стану я, раба Божья...” <...> И удивительно: голос старухи тотчас же стал наливаясь силой, и слова пошли такие, что в дрожь, в озноб стали кидать его»³⁹

— Исполохи, переполохи, порчи, уроки, всякие прикосы... Идите в пень, в корень, в грязи топучи, в ключи кипучи... Там вам вариться, там вам кипятиться, под осиновый кол уйти, камнем накрыться, землей завалиться, мохом-травой зарасти...»⁴⁰.

Действие заговорных слов подкрепляется магическим действием — по приказанию знахарки отец мальчика забивает в землю осиновый кол «...вместе с хворобами. Да чтобы тот кол никто никогда не вытащил»⁴¹.

Писатель создает словесный образ заговора из типовых формул, распространенных в местной традиции. Такова «давно знакомая» главному герою формула начала: «Стану я, раба Божья...», отнесенная А. М. Астаховой к числу

³⁷ Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета. Ч. 1, гл. 2. С. 273–274.

³⁸ Абрамов Ф.А. Братья и сестры. Гл. 26. С. 148–149.

³⁹ Речь идет о главном герое повести Клавдии Ивановиче — отце заболевшего ребенка.

⁴⁰ Абрамов Ф.А. Мамониha. С. 288.

⁴¹ Там же. С. 289.

«особых зачинов»⁴², характерных для «заговоров с эпическим элементом» или «эпических заговоров»⁴³. В публикации пинежских заговоров, собранных А. А. Ивановой в ходе фольклорных экспедиций МГУ в 1970–1972 гг. и в специальных поездках 1982, 1992 и 1993 гг.⁴⁴ мы находим полную форму зачина, зафиксированную во множестве вариантов: «Стану я, раба Божья Сусанья, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, пойду на восточную сторону. На восточной стороне есть чистое поле, в чистом поле синее море...»⁴⁵.

Характерная форма пинежского зачина эпического заговора весьма устойчива; так, с незначительными вариантами она зафиксирована в записях, опубликованных П. С. Ефименко в 1878 году, например: «Стану я, раб божий, Иоанн, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле, в широко раздолье, к окиан морю»⁴⁶, «Стану я, раб б. Н. благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами; выйду я в чистое поле; помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. Под восточной стороной есть окиан море»⁴⁷.

Далее в заговоре, приведенном в повести Абрамова следует перечисление изгоняемых болезней: «Исполохи, переполохи, порчи, уроки, всякие прикосы...». Судя по известным нам публикациям, это типичный для пинежской традиции набор источников всяких болезней и несчастий. А. М. Астахова, по материалам экспедиции 1927 года отмечает, что на Пинеге в «круг наиболее обиходных заговоров» входят «слова» на «исполох» и «прикос», свидетельствуя, что «прикосные слова <...> являются наиболее обиходными словами»⁴⁸. В записях 1970-х — 1990-х годов XX в. к этим названиям присоединяется еще одно — «уроки», и оно также присутствует в тексте Абрамова, который органично встает в ряд равноправных вариантов данного сегмента заговора. В публикациях упо-

⁴² Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2. 1928. С. 51.

⁴³ Там же. С. 50.

⁴⁴ Заговоры и заклинания Пинежья / Вступ. ст., подгот. текстов, коммент. А. А. Ивановой. Карпогоры, 1994.

⁴⁵ Заговоры и заклинания Пинежья. С. 31. № 141. В этом же издании близкие варианты зачина, относящиеся в основном к лечебным заговорам, имеются в № 25–29, 33, 57, 96, 98, 101, 103, 119, 121, 123, 125, 138–142, 162. Некоторая часть записанных в экспедициях 1970-х гг. заговоров опубликована в сборнике «Обрядовая поэзия Пинежья» (Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М.: МГУ, 1980). Интересующий нас зачин встречается в текстах № 181, 185, 187, 199, 200, 206, 207.

⁴⁶ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2: Народная словесность // Труды Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. Кн. 5. Вып. 2. М., 1878. С. 209. № 47. Сохраняется орфография оригинала — Е. Я.

⁴⁷ Там же. С. 217. № 91. Сохраняется орфография оригинала — Е. Я.

⁴⁸ Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге. С. 48.

минаются: «уроки, прикосы, исполохи, переполохи»⁴⁹, «порчи, уроки, прикосы, вислокосы»⁵⁰, «все уроки и прикосы, исполохи, переполохи, выполохи»⁵¹, «уроки, призоры, всяки уроки, прикосы, исполохи и испорочи»⁵².

Заговор, который произносит баба Соха, героиня повести «Мамониха», завершается, как и положено, формулой изгнания злых сил, удаления их от заболевшего ребенка: «Идите в пень, в коренье, в грязи топучи, в ключи кипучи... Там вам вариться, там вам кипятиться, под осиновый кол уйти, камнем накрыться, землей завалиться, мохом-травой зарости...». Первая часть пассажа — изгнание болезней — часто встречается в близких вариантах среди заговоров, записанных в Пинежском районе фольклористами: «Пойди, грыжа, во темные леса, во зыбучие болота, под пень, под коренья»⁵³, «в грязи седучи, в болота зыбучи»⁵⁴. Вторая же часть — формула уничтожения болезней — в опубликованных близких вариантах нам не известна, хотя в них встречаются упоминания осины и лежащего камня: «под пень, под колоды, под лежащий камень»⁵⁵, «в пень, в колоды, в горьку осину»⁵⁶. Среди перечисляемых мест отсылания вредоносных сил имеется также мох: «в темный лес, под синий мох, под гнилую колоду»⁵⁷, «в чистое поле, за синее море, на толстые, глубокие, ржавые мхи»⁵⁸, «в чисто поле, за синё море, на белый мох, под гнилую колоду, где не ходят, не ездят добрые люди. Там вам, проклятым, место»⁵⁹.

Не удалось найти аналогов мотиву: «там вам вариться, там вам кипятиться», который явно связан с упоминанием «ключей кипучих». Единственный намек на его существование в местной заговорной традиции встречается у П. С. Ефименко — это рожденный в стилистике древнерусской литературы образ «земли кипящей»: «окаянные трясавицы» (лихорадки) отсылаются «в землю мрачную, темную, непроходную и безводную, в *землю кипящую* и горящую огнем и жупелом, навфою и смолюю...»⁶⁰.

⁴⁹ Заговоры и заклинания Пинежья. С. 11. № 28. Тот же набор: С. 26. № 119. Вар.: С. 12. № 29.

⁵⁰ Там же. С. 26. № 121. Также: № 142, 143, 147 и др.

⁵¹ Там же. № 120.

⁵² Обрядовая поэзия Пинежья. С. 170. № 185. «На исполох». Ср. с именами болезней в заговоре «от сглазу, грыжи и баенной нечисти», опубликованном П. С. Ефименко: «уроки и прикосы, и грыжи, и баенны нечисти» (Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. С. 217. № 91).

⁵³ Заговоры и заклинания Пинежья. С. 9. № 13.

⁵⁴ Обрядовая поэзия Пинежья. С. 170. № 187. То же: Заговоры и заклинания Пинежья. С. 11. № 26. Вар.: С. 28. № 128.

⁵⁵ Там же. № 14.

⁵⁶ Там же. С. 171. № 188.

⁵⁷ Заговоры и заклинания Пинежья. С. 28. № 128.

⁵⁸ Там же. С. 29. № 129.

⁵⁹ Обрядовая поэзия Пинежья. С. 169. № 183.

⁶⁰ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. С. 209. № 46. Заговор взят из старинной рукописи.

В народной традиции «слова» чаще всего наговариваются на воду. В повести старуха трижды читает заговор над самым ребенком, «тихонько вода темной рукой по горлу и груди»⁶¹, а воду (правда, заранее припасенную) ему подает мать, когда он, освободившись от приступа, просит пить. Среди текстов заговоров, опубликованных П. С. Ефименко, имеются указания о чтении заклинания («молитвы») непосредственно над больным: «Когда бывает у человека лихорадка, то надобно говорить над больным человеком трижды»⁶².

Что же касается магического действия, которое совершается для закрепления силы произносимого заговора — забивания в землю осинового кола, упоминаемого и в тексте заклинания, то описание этого действия именно в такой форме, как у Абрамова, в публикациях пинежских заговоров нам не встретилось. Вместе с тем, у Ефименко приводится заговор «от лихорадки, или дрожжалки», где «больной, если хватит силы, идет в лес, находит осину, кланяется ей и говорит: “Осина, осина, возьми мою тресину, дай мне леготу!” После этого перевязывает осину своим поясом»⁶³. Так с поясом — сакральной частью одежды человека, его болезнь передается осине, в чем можно усмотреть аналогию действию с осиновым колом.

Таким образом, созданный Абрамовым текст заговора с одной стороны, имеет множество аналогий в местной традиции, как в композиции, так и в лексике. Можно предположить, что писатель использует здесь свои собственные наблюдения. Во всяком случае, в одной из своих рабочих заметок писатель прямо говорит о таких впечатлениях: «Все заговоры, присухи и пр. Выдумка? Дикость? Нет, исцеляющая сила слова. Ибо тут союз лечащего и лечимого. Оба верили в слово, в его силу и результат — чудо, результат — дело, исцеление. *Я видел все это...*»⁶⁴. То, что авторский текст не совпадает ни с одной из опубликованных записей, свидетельствует о свободной трактовке им формульных мотивов, известных ему от земляков. При этом его творческий процесс идет в русле фольклорной традиции: еще в экспедиции 1927 года А. М. Астахова у некоторых знахарей отмечала «факт *свободного отношения к тексту*», в результате чего «заговор может перестраиваться, принимая в себя элементы других заговоров, впитывая новые мотивы, разрастаться и усложняться»⁶⁵.

⁶¹ Абрамов Ф. А. Мамониha. С. 289.

⁶² Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. С. 206. № 44.

⁶³ Там же. С. 205. № 40. Забивание осинового кола в том месте, где с человеком случился припадок, как средство «перенесения» и «передачи» болезни осине упоминается в статье этнографа Т. Л. Агапкиной (*Агапкина Т. Л. Осина // Славянская мифология: энциклопедический словарь*. М., 2011. 2-е изд. С. 349).

⁶⁴ Абрамов Ф. А. О творчестве // Литературные портреты и статьи // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1993. Т. 5. С. 450. Курсив мой — Е. Я.

⁶⁵ Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге. С. 43.

Среди опубликованных Л. В. Крутиковой ранних редакций романа «Две зимы и три лета» — описание похорон Трофима Лобанова, в свое время снятое Абрамовым по цензурным соображениям. Этот эпизод интересен не только развернутым текстом причитания, где показана импровизация плачеи в рамках традиционного канона, но и описанием сочувственной реакции односельчанок на звучащий причет, его оценка, выдающая их активное владение причетной традицией.

«...Александра, младшая и любимая дочь Трофима, обхватила свою мать и запричитала по-бабьи:

Уж и родимый да мой тятенька,
Золота гора желанная.
Ты куда это собрался,
Ты куда это снарядился?
Ты зачем новой горенкой обзавелся?
В три доски-сосны, четыре гвоздика,
Без воротичек да без окошечек.
Не ко солнышку та горенка повернута,
Во сыру землю направлена.

— По-своему причитает, я еще не слыхала эдак, — заметили сзади Анфисы.

— Мастерница»⁶⁶.

Замечание слушателей относится к последним пяти стихам причитания. Обычно после вопроса к покойному: «Ты куда это снарядился?» следует не поэтическое описание гроба, в который он «переселяется», а места его погребения как эпически далекого и невозвратного («во сыры боры да во темны леса..., во крепость да во крепкую»). Так, в плаче, записанном в д. Труфаново Труфаногорского с/с в начале 1970-х гг., дочь причитает, обращаясь к умершей матери:

«Уж ты кормилица моя матушка,
Уж ты куды-то снарядилась. <...>
Уж не сама ты снарядилась,
Добры люди тебя да снарядили
Уж на вечное да погребеньице,
Во сыры боры да во темны леса,
Уж во крепость-то во крепкую,
Во крепкую да во глубокую»⁶⁷.

В романе отступление от канона оценивается окружающими одобрительно («Мастерица!»), поскольку они тронуты образом, созданным плачеей,

⁶⁶ Абрамов Ф. А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 561.

⁶⁷ Обрядовая поэзия Пинежья. С. 561.

и принимают его как творческое проявление ее индивидуальности («По-своему причитает»), что допускалось традицией: «Все причитают, что на ум придет. Сперва только начало [известное, «формульное»], а потом всё, что приведется»⁶⁸. О большой роли импровизационного начала в похоронной причете свидетельствует и Н. П. Колпакова: «Когда повезут на погост — причитают кто как умеет. Специальных текстов нет, — импровизируют»⁶⁹.

Между тем дочь покойного Трофима продолжает «изконвек заведенный», как говорят северяне⁷⁰, сюжет причетной сцены, причем присутствующие комментируют слова плача, сопоставляя «уставные» поэтические формулы причета Александры с реальными жизненными обстоятельствами семьи покойного:

«Уж на кого ты нас, родимой, оставляешь,
На кого да спокидаешь? <...>
Уж мы жили с тобой да красовались,
Как во масле сыр да катались.

— Не больно-то катались. Знаем, — тихо, со вздохом поправил кто-то Александру.

Уж у тебя порощено нас было немало,
За столом перекормлено много.

— Верно, верно, Олька. Порощено»⁷¹.

Мотив благодарности покойному от имени семьи за его заботу о ней — обязательный элемент сюжета похоронного причитания, сохранявшийся до конца XX в. в близких вариантах:

«Я с тобой жила да красовалася,
Уж я как сыр в масле да купалася»⁷².

Далее в романе Абрамова в своем причете Александра перечисляет братьев — сыновей Трофима, не вернувшихся с войны, которых она, согласно традиции, зовет на похороны отца.

«Уж я встану утром ранешенько,
Выйду-кликну родимых брателков:
Где, Максим, ты свет Трофимович?
Где второй желанный Ефимушко?
Где третей Яков Трофимович?

⁶⁸ Там же. С. 255. А. С. Чемакина, 58 л. [нач. 1910-х гг. рождения] из д. Кушкопала Кушкопальского с/с.

⁶⁹ Колпакова Н. П. У золотых родников. С. 66.

⁷⁰ Мезенская традиционная свадьба в записи М. Н. Мякушина / Подгот. и коммент. Е. И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2006. Вып. 6. С. 352.

⁷¹ Абрамов Ф. А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 561.

⁷² Обрядовая поэзия Пинежья. С. 136.

Ты куда ушел от нас, Тимофей Трофимович?
И никто-то мне да не откликнется,
Никого-то нам да не дожидаться»⁷³.

Если кто-то из родных не смог попасть на похороны, то его — живого или мертвого — в причете положено было звать и приглашать попрощаться с умершим, как это мы видим в записи экспедиции МГУ, сделанной во время реальных похорон:

«Уж все сошлись да гости съехались,
Уж нет любимого да гостенёчка,
Уж любимого, родимого брателка. <...>
Уж вы сходите да посмотрите
Уж на широку ту да славну улоньку,
Уж на все четыре да стороны.
Уж не идёт ли он да не едет ли,
Уж нет ли топоту да лошадиного,
Уж нет ли посвисту молодецкого»⁷⁴.

Рассказав в причете о смерти братьев — надежды и опоры покойного отца, Александра говорит о том, что его свела в могилу забота об оставшейся семье («что осталась у тебя полна изба») и заканчивает свой плач горьким вопросом:

«Уж и как мы станем доразвивать своих малых детушек?
Недорослые в бору да деревиночки,
Недозрелые в бору да ягодиночки.
Будут босые они да необутые,
Будут голые они да неодетые...»⁷⁵.

Мотив горькой жизни оставшихся без родительского попечения сирот, обязательный в сюжетной цепи причитаний по главе семьи, составляет единый образный ряд, хотя конкретное словесное наполнение может значительно отличаться в различных местных традициях и во многом определяется индивидуальным творческим багажом конкретной исполнительницы, как в причете, записанном в 1970-х гг. экспедицией МГУ:

«Уж и как вы будете жить-то,
Уж и как вы будете обживаться,
Уж вы голодом да находитесь,
Уж вы по миру да напроситесь,
Уж вы босиком да находитесь»⁷⁶.

⁷³ Абрамов Ф.А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 561–562.

⁷⁴ Обрядовая поэзия Пинежья. С. 136.

⁷⁵ Абрамов Ф.А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 562.

⁷⁶ Обрядовая поэзия Пинежья. С. 149.

Заключительным мотивом причетной сцены в доме покойного было обращение к родным, к соседям с просьбой не забывать его близких: «Жена покойного обращается к каждому из своих сыновей. Обнимая их, плачет:

Уж не оставьте меня да не побросьте,
Уж как-нибудь мене да пособиите,
Уж чем-нибудь мене да помогите,
Уж словечушко мене да напишите, <...>
Уж придите меня да навестите»⁷⁷.

Этот мотив в причете Александры в романе Абрамова появляется в момент, когда она, «мокрая, распухшая от слез», припав к груди Анфисы Петровны, пришедшей поклониться одному из тех, кто в годы войны помог деревне, колхозу выжить и выстоять, «запричитала вторым заходом:

Уж и Анфиса ты да Петровна,
Ты хозяйюшка наша да колхозная.
Уж вы люди добрые да суседи,
Уж вы не оставьте нас да не спокиньте,
Словом-жалостью нас да призакарьте,
Уж хоть не ради нас, да ради татеньки,
Ради первого работничка, ради всей его работушки.
Уж он помял, поробил колхозной работушки
Безотказно да круглосуточно.
Уж я пойду-пройду по темным лесам,
По сырым борам да вдоль Синельги.
Уж там не ветром леса повалены,
Не зверями тропы прохожены.
Уж я пойду-пройду по лугам да по поженкам,
По исадинам, по излучинам.
Чьи зароды там выше кустиков,
Выше кустиков до заоблачья?
Уж я пойду-пройду по занавинам,
По холмам пройду, по веретеем.
Уж не медведушки там пашенки расчищали,
Не они злое коренье вырывали:
Уж он на ногу был легохонек,
На говорю был крутехонек,
Уж он был шумливой да гомозливой.
Уж, бывает, он кого да обидел
Во несчастье своем да во кручине. <...>
А вокруг него малых детушек,

⁷⁷ Там же. С. 137.

Как в сыром бору сосенок.
И все глупехоньки да малехоньки,
Неразумные сиротиночки,
Горемычные кукушечки...»⁷⁸

Вдохновенный текст причитания, воссозданный писателем, вполне традиционный по лексике, композиции и типологически точным образам, является, с нашей точки зрения, одной из вершин творчества Федора Абрамова. Недаром, по свидетельству Л. В. Крутиковой, он так дорожил этим отрывком, в свое время не опубликованным в основном тексте произведения, хранил его и «впоследствии хотел снова ввести в роман: <...> (“Обязательно ввести главу с плачем по умирающему Трофиму”)»⁷⁹.

В творчестве Ф. Абрамова мы не найдем пространных цитат из старинных хороводных и свадебных песен, крайне редки даже упоминания о них. Однако для любого уроженца Пинежья, заставшего в детстве и юности традиционный быт, обряды и праздники, свадьбы и гулянья-«метіща»⁸⁰, одно лишь название, первая строка некоторых песен, являются неким знаком, кодом определенного момента обряда. Таковы и герои произведений Абрамова, впитавшие этический и эстетический мир традиционной жизни. Таков был и он сам.

Приведем пример из творчества писателя, где сам факт исполнения определенной песни становится ключевым, поворотным моментом в развитии сюжета произведения, а полнота представления о маркируемой данной песней обрядовой ситуации позволяет глубже раскрыть психологическую мотивацию поведения героев.

Обратимся к циклу «Трава-мурава». Короткие рассказы, включенные в книгу, знакомят читателя с яркими характерами, народной жизнью во всем ее многообразии и контрастах:

«Травка-муравка что, не знаешь? Да чего знать-то? <...> Где жизнь, где зелено, там и трава-мурава. Коя кустышком, коя цветочком, а коя и один стебелек, да и тот наполовину ощипан — это уж как Бог даст».

Это — второй эпитаф, предпосланный циклу. А первый из них — из старинной песни:

Хóжу я по травке, хóжу по муравке.
Мне по этой травке ходить не находится,
Гулять не нагуляться...

Почему же именно эта песня стала эпитафом для всего цикла рассказов-зарисовок народной жизни, дала ему название?

⁷⁸ Абрамов Ф. А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 562–563.

⁷⁹ Крутикова Л. В. Послесловие // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1990. Т. 1. С. 627.

⁸⁰ Вариант произношения и соответственно, написания слова «метіще» — «мечіще». В литературе встречаются оба написания.

Среди огромного богатства пинежской традиционной песенной культуры особо выделяются те, исполнение которых было приурочено к весенне-летним гуляниям крестьянской молодежи — «метіщам», проходившим в дни местных праздников, периода от сева до начала сенокоса. «В каждой деревне Пинежского района, — пишет участница экспедиции ГИИИ 1927 года Е. Э. Кнатц, — есть свой главный весенний или летний праздник, на который происходит в деревне гулянье. В этот праздник съезжаются гости из соседних деревень, собираются родственники и издалека; даже приезд на побывку из города или возвращение со сплавных работ стараются приурочить к этому празднику. Празднуют и Петров день, и Ивана Купала, и Ильин день, но одним из самых популярных праздников является «Девятая пятница», т. е. девятая пятница после Пасхи»⁸¹.

В течение трех дней на луг у реки группами из разных «околков»⁸² сходились девушки и парни на утреннее, дневное и ночное метіща. Девушки, одетые в традиционные праздничные наряды, чинно и степенно, с пением песен ходили рядами попарно, сначала одни, а потом вместе с парнями («ходили ходячими»). Обычно сначала исполнялись «зáболние» (любимые) песни. В числе первых обязательных песен была «Хожу я по травке».

«Метіще» с его песнями, царственной красотой девушек, похожих в своих нарядах на сказочных ярких птиц, молодежь ждала целый год. Н. П. Колпакова в дневнике пинежской экспедиции 1927 года так описывала это ритуальное гулянье: «Картина совершенно пленительная: масса девушек в старинных шелковых сарафанах, янтарях, дорогих шелковых громадных платках-“шалюшках”. Девушки длинными рядами стоят у края поляны и чинно и молча отвешивают поясные поклоны прохожим — все враз, как цветы в поле от ветра. Это — ритуал. Справа и слева подходят все новые девичьи группы. Это — гости, приехавшие из других деревень. Не доходя до поляны, они выстраиваются в ряд и три раза чинно кланяются в пояс собравшемуся народу. Появляются роскошно разряженные “повязочницы”: на затылке к золотой “повязке” из широкого позумента привязано множество ярких лент, которые шелковым каскадом спускаются по спине; на лбу и на висках — жемчужные переплеты. “Повязочницы” становятся впереди, остальные выстраиваются за ними, все снова кланяются во все стороны — и чинно, медленно отправляются по деревенской улице. Дойдя до конца, снова кланяются зрителям, опять гуляют, опять кланяются, опять гуляют — и так часами. Гулянье это и поклоны происходят под монотонную протяжную песню. Веселье пышное, величавое, до сказочности яркое...»⁸³.

⁸¹ Кнатц Е. Э. «Метіще» — праздничное гулянье в Пинежском районе // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 188.

⁸² *Окóлок* — в Пинежском районе так называют микропоселение в границах большого села, имеющее собственное название.

⁸³ Колпакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста). С. 68.

В 1920-е — 1930-е гг. контраст красочным старинным нарядам девушек составляла подчеркнуто «городская», «современная» праздничная одежда парней, в чем участники экспедиции справедливо усматривали «борьбу старого и нового начала»⁸⁴. «Все парни одеты в пиджаки, у многих под пиджаком белая колленкоровая рубашка, вышитая по вороту, на груди и на рукавах красной, синей и черной бумагой узором чисто городского характера. Некоторые парни вместо обычной фуражки носят финского типа мягкие шляпы, и на ногах их не русские сапоги, а городские ботинки. Наибольшее внимание привлекают парни в полном городском туалете: в летнем черном пальто с бархатным воротником, в рубашке с мягким стояче-отложным воротником <...> или с новыми галошами на ногах, несмотря на совершенно сухую погоду»⁸⁵.

Если богатый наряд «повязочницы» был призван продемонстрировать собравшимся, а особенно потенциальным женихам, богатство родителей девушки, предполагающее соответствующее приданое, приверженность семьи крепким старинным традициям жизненного уклада, то «городской» наряд парня показывал его независимость, самостоятельность, достигнутые успехи в жизни. Свобода выбора невесты, независимо от достатка ее семьи, по любви, была достижением «нового» уклада жизни и отчаянно утверждалась парнями перед всем собравшимся сельским обществом. Поэтому на метищах кавалеры, которых всегда было значительно меньше, чем девушек, по предварительному сговору «мурыжили» «повязочниц», заставляя их долго ждать приглашения гулять тройками вдоль деревни, подвергая тем самым своего рода бойкоту⁸⁶.

Во время «метища» в душе всех его участников — и девушек, и парней — происходила неприметная внешнему наблюдателю напряженная психологическая работа. Зарождающаяся симпатия, любовь и ревность, обида, ликование — все эти чувства будоражили души внешне сдержанных, важных и чинных участников гулянья. Это одухотворяло праздник, делало его ярким и памятным событием в жизни.

Чрезвычайно важным элементом праздничной атмосферы были бесконечно сменяющие друг друга протяжные песни, которые пели вместе и девушки, и подпевавшие им парни. Старинная пинежская песня, пронизанная свободным движением ветвящихся мелодических вариантов, в мощном звучании десятков молодых голосов — девичьих «тонких» в пронзительном головном регистре, напоминающем тембр гобоя, и мужских, своим *непрерывным звуковым потоком*⁸⁷ создавала особый эмоциональный настрой. Она помогала как самим исполнителям, так

⁸⁴ Кнатиц Е. Э. «Метище» — праздничное гулянье в Пинежском районе. С. 198.

⁸⁵ Там же. С. 192.

⁸⁶ Там же. С. 199.

⁸⁷ Исполнение пинежской протяжной песни, по наблюдениям В. Е. Гиппиуса, представляет собой «сплошной не прерывающийся ни на минуту звуковой поток» (Гиппиус В. Е. Культура протяжной песни на Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2. 1928. С. 107).

и слушателям, наблюдавшим за гуляньем, пережить минуты особого душевного подъема. Любопытный собиратель, которому посчастливилось записывать пение народных исполнителей, сохранивших культуру протяжной песни, может это засвидетельствовать. Пожилые пинежане, в молодости бывшие участниками таких праздников, сохранили живые воспоминания о них; они мгновенно сбрасывали с себя груз прожитых лет, стоило им лишь запеть одну из звучавших тогда песен. Одной из них и была песня «Хожу я с-по травке», которая часто открывала «метѣще».

Герой рассказа Федора Абрамова «Последняя страда» Кузьма Иванович, чувствуя приближение своего конца, просит своих детей вынести его на сенокосный луг — пожнию и, работая, петь его любимую песню «Хожу я по травке». Подводя итог своей жизни, он вспоминает и хочет вновь пережить самые радостные и счастливые ее моменты. Сближение двух праздничных ситуаций, связанных с ощущением молодости, радости бытия — «метѣща» и сенокоса — происходит благодаря песне.

В быту пинежан сенокос, особенно его начало, издавна воспринимался как радостное, праздничное, почти ритуальное событие. В романе «Братья и сестры» оно описывается так: «Бывало, до войны отправлялись на пожнию как на долгожданный праздник — с песнями, с весельем. А народ-то какой! Мужики да парни чуть не за крыши головой задевают, разряженные девки, поскрипывая новыми сапогами, млеют от радости, которую сулят им встречи с милыми в короткие бессонные ночи...»⁸⁸. Традиция оказалась стойкой, несмотря на военные годы, повывкосившие мужиков и парней.

«Под горой стало людно, как до войны. Правда, иногo работничка надо под ногами разглядывать, — того и гляди загребешь вместе с сеном, но зато было весело и шумно. Женщины — кто помоложе — принарядились: так уж исстари повелось, что, когда убирали домашнее⁸⁹, одевались, как о празднике»⁹⁰.

Кузьме Ивановичу также было свойственно такое отношение к сенокосу. Особенно радостно было ему косить луг у реки, расчищенный в свое время своими руками.

«С тех пор пятнадцать раз выходил с косой Кузьма Иванович к реке. И не работа была, а праздник. Сыновья, дочери, зятя понаедут из города — целая бригада, только успевай распоряжения отдавать.

В последнюю страду, шестнадцатую по счету, сам Кузьма Иванович выйти на пожнию уже не мог <...>. Однажды утром Кузьма Иванович попросил:

— Вывезите меня сегодня на пожнию. Я сегодня помирать буду.

⁸⁸ Абрамов Ф.А. Братья и сестры. Гл. 20. С. 120.

⁸⁹ Домашнее — сенные покосы недалеко от деревни, в отличие от дальних, куда выезжали на несколько дней.

⁹⁰ Абрамов Ф.А. Братья и сестры. Гл. 26. С. 143.

— Папа...

— Везите.

Не привыкшие возражать отцу дети запрягли лошадь, уложили отца на телегу — сидеть он уже не мог.

На покосе Кузьма Иванович сказал:

— Снимите меня с телеги да положите на угорышек — чтобы я и реку, и вас, и весь свет белый видел.

Положили.

— А теперь идите. Возьмите грабли, да работайте и пойте.

— Папа, но как же тебя одного оставить?

— Делайте, как я сказал.

Дети послушались. Взяли грабли, рассыпались по лугу и начали загребать сено. И петь любимую песню отца:

Хожу я по травке, хожу по муравке.

Мне по этой травке ходить не находиться,

Гулять не нагуляться...

Через час, когда работающие сделали перекур и подошли к старику, он был мертв»⁹¹.

Еще один пример особого композиционного значения, придаваемого Абрамовым упоминанию и цитированию старинной песни, связан со свадебной: «Лизавета Ивановна, ты сама до вины дожиди». Финальный эпизод романа «Две зимы и три лета», свадьба юной Лизки и Егорши — событие, запустившее процесс разворачивания трагических коллизий судьбы героини. От ее решения зависит благосостояние и даже самая жизнь матери-вдовы и малых братьев и сестры, и она жертвует собой ради них. Она пообещала Егорше, что выйдет за него, если он поможет ее семье купить корову, без которой детям не выжить. В последний момент, когда она еще колеблется, глядя в глаза брату Михаилу, душа которого разрывается между жалостью к сестре и ответственностью за семью, она слышит под окном свадебную песню, с давних времен звучавшую в случае положительного исхода сватовства.

«Он поставил короб с грибами на крыльцо, заглянул в окошко. Степан Андреевич сидит за столом, Илья Нетесов, Егорша <...>.

Так, так, подумал Михаил. Сваты. Егорша решил на своем настоять... <...>

Степан Андреевич — на старинный лад — заговорил в том духе, что они, мол, охотники, лебедушку ищут, и люди добрые подсказали им, где искать.

— У нашей лебедушки еще перья не выросли, — сказал Михаил. — Рано на сторону лететь.

⁹¹ Абрамов Ф.А. Последняя страда / Травя-мурава // Абрамов Ф.А. Жарким летом: Рассказы. Л., 1984. С. 354–355.

— Ничего, — вставил свое слово Илья, — и у нас охотник не перестанет»⁹².

Вначале Михаил резко отказывает сватам, уверенный, что сестра поддержит его, ответит им несогласием.

«Егорша невозмутимо, будто все это не касалось его, докурил папироску, поправил рукой волосы. Потом так же невозмутимо обвел прищуренным взглядом избу и усмехнулся:

— А по-моему, у нас кворума не хватает. Вхолостую идет прения. Гавриловна, — обратился он к матери, хлопотававшей над самоваром в задосках, — позови дочь.

Лизка была в боковушке. Такой уж порядок: пока судят да рядят старшие, девка в стороне. И вот она вышла. В новом, красного сатина платье. С туго заплетенной косой. Поклонилась, как положено.

Так, так, сестра, подумал Михаил. Дадим от ворот поворот, но так, чтобы сватам обиды не было. И Степан Андреянович и Илья Нетесов — что они нам худого сделали?

У Степана Андреяновича в глазу заблестела слеза — разволновался старик:

— Лизавета Ивановна, мы вот тут...

Его оборвал Егорша:

— Постой, дед. Вы поговорили, теперь мы поговорим. Он сдвинул в сторону тарелки с грибами и стаканы и вдруг начал выбрасывать на стол деньги. Пачками. Одну пачку выбросил, другую, третью... Красные тридцатки, полусотни синие...

— Вот, — сказал Егорша и в упор посмотрел на Лизку. — Как уговаривались. Я свое слово сдержал. С этим довесом можно заводить копыта.

Это он мотоцикл продал, подумал Михаил и почему-то сперва посмотрел на ребят, а уже потом на сестру. Глаза их встретились. И надо же было так случиться, что именно в эту самую минуту под окошком раздавалась свадебная песня:

Лизавета Ивановна,
Ты сама до вины дожила,
Ты сама до большой доросла,
Ты сама вину сделала.
Молода князя на сени созвала,
Со сеней в нову горенку.
За дубовый стол посадила.
Чаем-кофеем напоила.
Калачами его накормила,
Калачами круписчатыми,

⁹² Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета. Кн. 2, ч. 2, гл. 20. С. 531.

Пряниками рассыпчатыми,
На красно крыльцо выводила,
На коня его посадила...

Бабы и девки по-старинному опевали Лизку.

И, наверно, песня подтолкнула Лизку. Наверно, Лизка в своей простоте подумала: раз уж люди решили — свадьбе быть, то так тому и быть. Поздно теперь отступить.

Она сказала, опустив голову:

— Я согласна»⁹³.

Для человека, воспитанного в традиции, исполнение определенной песни, знаменующей собой известный момент и этап обряда, является знаком свершившейся судьбы, которая, устами женщин и девушек-певиц властно диктует невесте от имени общества, сельского «мира», что девичья жизнь невозвратно закончилась. После этой песни в старину невеста начинала причитать. Не даром же в народе намерение выйти замуж или жениться определялось как «суд Божий принять» (т.е. «принять судьбу: то, что судил Бог»); совершенный над брачующимися свадебный обряд, включавший венчание, расценивался как бесспорное и бесповоротное решение их судьбы.

Необходимо отметить то, что напевы пинежских свадебных обрядовых песен, и в частности, песни, приводимой Ф. Абрамовым, обладают художественными особенностями, позволяющими воздействовать на психологическое состояние участников обряда. В частности, таким свойством наделен ритм слоγοпроизнесения. Особый, намеренный сдвиг стихового акцента в начале мелостроки создает постоянное напряжение в восприятии каждого слова песенного стиха. З. В. Эвальд описывает поразившее ее в пинежской экспедиции 1927 года звучание свадебных песен как «стихийную силу напряжения, заставляющую стремиться вперед, к непрерывному продвижению мелодического потока»⁹⁴. При этом «хоровое исполнение всегда сковано железным ритмом, который при сложнейших ритмических фигурах не дает рассыпаться ансамблю»⁹⁵. Далее, описывая исполнение, З. В. Эвальд признается: «Сила и напряженность звучания такова, что в закрытом помещении нестерпимо слушать. Напор движения настолько велик, что его невозможно остановить. У нас давно уже кончился валик, но мы были бессильны перед этой стихией...»⁹⁶.

Лиза Пряслина — обладательница чистого и просветленного взгляда на жизнь, духовного дара жертвенной любви, из всех героев абрамовской тетралогии о Пряслиных, оказывается наиболее укорененной в местной народной традиции, несмотря на свою молодость. Писатель постоянно

⁹³ Там же. С. 532–533.

⁹⁴ Эвальд З. В. Песни свадебного обряда на Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2. 1928. С. 178.

⁹⁵ Там же. С. 179.

⁹⁶ Там же. С. 179–180.

подчеркивает ее знание уклада настоящей, «правильной и истовой» крестьянской жизни.

Именно она, Лиза, в согласии с традицией, некогда существовавшей, но позабытой, затоптанной послевоенным духовным «развалом» сельской жизни, выходит на покос нарядная, как на праздник; а между тем на дворе уже 1972 год.⁹⁷

«Прибежала — глаза зеленые блестят, сарафан морошковый колоколом — сама удаль спустилась на луг.

— Вот как, вот как она! Как на праздник вышла! — одобрительно закивали, зашамкали беззубыми ртами старухи, со всех сторон разглядывая нарядную, сверкающую на солнце Лизу.

— Да как ведь праздник сегодня и есть! — с задором ответила Лиза. — Когда домашний сенокос в тягость был?

— Так, так, девка! — опять с одобрением закивали старухи. — Это мы все обасурманились — кто в чем пришел, а родители-то наши блюли обычай»⁹⁸.

Абрамовская Лиза — певунья. Среди ранних редакций романа «Две зимы и три лета» есть описание поющей на пашне юной Лизки.

«Сижу на карточке гадаю,
Сама себя я веселю,
Но я довольно понимаю,
Что разлюбил меня милой.
Что разлюбил меня неверный,
Навек оставил сиротой...

Песня была старая, из времен молодости Ильи. И пела девушка — по голосу слышно. Но только не похоже было, что она страдала. Потому что, не кончив песни, девушка вдруг бросила ее посреди дороги, как кто-то бросил посреди поля эту злосчастную сеялку, которую сейчас обстукивал ключом Илья, и принялась за частушки. <...> И ему хорошо, приятно было работать, лежа на спине, и слушать частушки»⁹⁹.

В основе этого эпизода лежит дневниковая запись Абрамова, позже оформленная также в рассказ «Кому-то и робить надо» из цикла «Трава-мурава»¹⁰⁰. Писатель подчеркивает: песня была старая, а девушка — молодая, но она знает ее и поет. Естественно впитывая все, чем была наполнена духовная жизнь

⁹⁷ По свидетельству самого писателя, действие романа «Дом», откуда взят этот эпизод, происходит в 1972 году (Абрамов Ф.А. Возжечь человеческое... Из выступления по архангельскому телевидению // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1993. Т. 5. С. 315).

⁹⁸ Абрамов Ф.А. Дом. Ч. 1, гл. 5. С. 303.

⁹⁹ Абрамов Ф.А. Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 586.

¹⁰⁰ Абрамов Ф.А. Кому-то и робить надо / Трава-мурава // Абрамов Ф.А. Жарким летом: Рассказы. Л., 1984. С. 304.

деревни в ее художественном проявлении, в старых традициях, Лиза Пряслина наполняет все это красотой своей чистой души.

«...откуда ни возьмись — Лизка. <...> Увидала его, мигом опустила подол платья, заткнутого за пояс, подошла степенно, как девушка.

— Здравствуй, Илья Максимович.

— Здравствуй, певунья. Это тебя я там слышал? — Илья указал на лес.

Лизка стыдливо закусила нижнюю губу. Густая краска залила ее скулы.

— Хорошо поешь.

— Может, хоть не пою, а верещу, — рассмеялась Лизка. И из глаз ее брызнула такая зеленая радость, будто она всю весеннюю зелень в своих глазах собрала»¹⁰¹.

Лиза владеет и причетной традицией. В романе «Дом», когда повзрослевшие близнецы Петр и Григорий приезжают из города к сестре в Пекашино, она ведет их на могилу матери и причитает:

«— Ой да ты родимая наша мамонька... Ой да ты чуешь, нет, кто пришел-то к тебе да приехал... Ой да уж любимые твои да сыночки... По шажкам, по голосу ты их да признала...»¹⁰².

Воспитанная в духе народных представлений о мире и человеке, восприимчивая к вековым традициям крестьянской жизни, совсем еще юная Лизавета оказалась внутренне готовой и к тому ответственному событию, которое издавна считалось наивысшим и наиважнейшим в жизни человека — ее свадьбе. И сельское общество оценило эту ее готовность, одобрительно отзываясь о ее «уставном» поведении, знании свадебных обычаев.

«— Кушайте, пейте, гости дорогие.

Учтиво, по-старинному поклонилась Лизка направо и налево. И первый поклон Степану Андреяновичу. Тот прослезился, а когда Лизка назвала его татей, старик просто расплакался <...>.

В избу шумно, со смехом ввалились бабы и девки, и Лизка будто только этого и ждала. Встала, через стол поклонилась ему:

— Брателко родимой, Михаил Иванович! Уж и как мне звать-величать тебя... И за брата, и за отца ты мне был...

— Так, так, Лизавета, — одобрительно зашептали сразу притихшие бабы. — Поклонись, поклонись брату. Верно, что заместо отца был...

И Лизка кланялась. И доморощенные янтари полукружьем свисали с ее худой, полудетской шеи. Но лицо ее было торжественно и даже

¹⁰¹ *Абрамов Ф. А.* Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 587.

¹⁰² *Абрамов Ф. А.* Дом. Ч. 1, гл. 4. С. 298.

величаво. И Михаил дивился: откуда она знает все свychаи и обычаи? Ведь, кажись, и свадьбы-то настоящей на ее глазах не было...»¹⁰³.

Действительно, «настоящей», т.е. полной, со всеми обрядами свадьбы, на глазах Лизы, родившейся в самом начале 1930-х годов, быть может, уже и не было. Уже в то время, наряду с «церковной» свадьбой, которая «празднуется со всеми старыми обрядами», на Пинежье существовал и «гражданский» вариант, когда «молодая пара уходит “в лес”, после чего никаких обрядов уже не бывает, а просто на другой день идут в сельсовет “списываться”, молодка сама надевает себе на голову кичку, и все начинают считать ее замужней»¹⁰⁴. Тем более, в послевоенное время, когда церковное венчание уже не проводилось, многое в обрядности было утеряно. Однако все же многое в ней и сохранялось на протяжении всего XX века. По свидетельству Н. П. Колпаковой, в 1927 г., пинежане «еще очень крепко держатся за старинный обряд»¹⁰⁵. Более того, как показывают материалы экспедиций МГУ, даже в 1970-х гг. в пинежских деревнях не только хорошо помнили старинный свадебный обряд и песни, но еще игрались свадьбы с множеством свадебных обычаев¹⁰⁶, звучало немало традиционных песен, и среди них приведенная Ф. Абрамовым «...Ты сама до вины дожила»¹⁰⁷.

Сватовство в романе «Две зимы и три лета» идет согласно местной традиции. В дом невесты — Лизы Пряслиной — приходят сваты: жених, его дед, заменивший ему отца и, в роли крестного, уважаемый всеми односельчанин Илья Нетесов, которому жених доводится двоюродным племянником¹⁰⁸. Со стороны невесты вместо убитого на войне отца выступает ее старший брат. Мать Лизы, согласно обычаю, не принимает участие в разговоре, ее задача — достойно угостить сватов. Прежде чем принять окончательное решение, спрашивают согласия невесты. Обычно, если сватовство состоялось, невесту выводят к столу. Два последних момента в романе Абрамова слились в одно, так как между Лизкой и Егоршей заранее существовала договоренность: если он поможет ее семье купить корову, то она соглашается на замужество. Видя, что парень сдержал слово, Лиза, уже готовая сдержать свое, хотя и все еще колеблется, выходит к гостям в новом праздничном платье, как это было принято испокон веков...

Сравнив описание сватовства у Абрамова и приводимый ниже экспедиционный репортаж, опубликованный в сборнике «Обрядовая поэзия Пинежья», можно убедиться, что этот эпизод в романе совпадает с основными моментами полевой записи.

¹⁰³ Абрамов Ф. А. Две зимы и три лета. Гл. 21. С. 538–539.

¹⁰⁴ Колпакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста). С. 66.

¹⁰⁵ Там же. См. также: Колпакова Н. П. Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2. 1928. С. 117.

¹⁰⁶ Описание современного свадебного обряда (Обрядовая поэзия Пинежья. С. 87–90).

¹⁰⁷ Там же. С. 92.

¹⁰⁸ См.: Абрамов Ф. А. Две зимы и три лета. Гл. 20. С. 535.

«Свататься придут троима: жених, отец его, крестный. Обычно женщины-то не ходили. <...>

Помолятся, самовар ставят. Отец придет к невесте, спрашивает, согласна ли, не согласна <...>.

Выводят невесту к столу, она здоровается, за стол садится.

Сватов за стол сажают, угощают. Когда сидят, все угощаются, то “чужая сторона” пела песню:

<...> Матрёна, Матрёнушка, да
Ты сама до вины дожила.
Ты сама до большой доросла, да,
Ты сама вину сделала.
Ты сама вину сделала, да,
Молода князя на сени созвала, ой!
Молода князя на сени созвала, да,
Со сеней — в нову горенку.
Со сеней — в нову горенку, да,
За дубовой стол посадила.
За дубовой стол посадила, да,
Чаём-кофеём напоила.
Чаём-кофеём напоила, да,
Колачами его накормила.
Колачами круписчетыма, да,
Пряниками розсыпчетыма.
Пряниками розсыпчетыма,
Да конфетами медовыма.
Ну, конфетами медовыма,
Да орехами заманчетыма.
Да орехами заманчетыма, да,
На добра коня посадила»¹⁰⁹.

Как видим, и поэтический текст песни в экспедиционной записи и в романе Абрамова отличается лишь в мелких деталях (Абрамов, как и везде в своих произведениях, цитируя текст песни, опускает повторы стихов).

Необходимо заметить, что не только словесный компонент обрядовой песни обладает значительной устойчивостью. Ю. Е. Красовская, комментируя в публикации экспедиционных записей МГУ напевы пинежской свадьбы, отмечает «чрезвычайную устойчивость свадебной песенной традиции Пинеги»¹¹⁰. Она сравнивает свадебные напевы с их вариантами, записанными в 1927–1930 гг.

¹⁰⁹ Обрядовая поэзия Пинежья. С. 33–34.

¹¹⁰ Красовская Ю. Е. О некоторых особенностях музыкального строя пинежских свадебных песен // Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980. (Сер.: Русский традиционный фольклор в современных записях). С. 184.

и опубликованными в сборнике Е. В. Гишпиуса и З. В. Эвальд «Песни Пинежья»¹¹¹, и находит, что «спустя почти столетия песни свадебного обряда Пинеги находятся в основном в той же стадии сохранности»¹¹².

Отвечая на риторический вопрос автора тетралогии «Пряслины», заданный устами брата Лизаветы Михаила, откуда она «знает все свычаи и обычаи» (кстати, это традиционная пинежская поговорка, которая часто звучит в быту вплоть до настоящего времени), необходимо обратиться еще к одной стороне фольклорно-этнографической реальности местной традиции, отраженной в романе. «Свычаи и обычаи» усваивались жителями пинежских деревень с самого раннего возраста. И. М. Левина, изучавшая в экспедиции ГИИИ 1927 года детские кукольные ролевые игры в свадьбу и метище, в своей публикации экспедиционных материалов¹¹³ показывает, насколько точно передавались детьми в игре обрядовые действия, соответствующие песни и причитания.

Исследовательница отмечает, что в обследованном районе «данные игры являются далеко не единственными кукольными играми: девочки упоминали еще про “бесёду”, куда куклы являются с прялками, и похороны, когда куклу хоронят в специально сделанном ящике или просто коробке, и где одним из элементов игры являются причитания, — плач родных по умершему»¹¹⁴. В играх детьми моделировались варианты свадебного обряда, наблюдаемые ими в жизни: «Часто невеста выдается “взамуж за реку”. Реку изображает канава деревенской улицы, когда она наполнена водой. Поезд едет тогда по улице, подъезжает к канаве и перевозится на лодке на ту сторону. <...> Родители у невесты обыкновенно бывают, но иногда, когда не хватает куклы-мужчины, отца невесты, то играется так, что кукла-невеста перед венцом идет плакать на его могилу»¹¹⁵.

Дети играют в свадьбу и метище не только на основании лично ими увиденных обрядов. Младшие дети заимствуют знание обрядов и обычаев от старших. Одна из участниц записанной И. М. Левиной игры в свадьбу, одиннадцатилетняя Катя Шихина, училась у подруг, в первую очередь у четырнадцатилетней Али Шангиной, руководившей игрой — признанного ее лидера, и свои «первые сознательные представления об обрядах, существующих в ее деревне, получила не из действительной жизни, а из игры»¹¹⁶. Более того, исследовательница

¹¹¹ Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е. В. Гишпиусом и З. В. Эвальд / Под общ. ред. Е. В. Гишпиуса. М., 1937. Кн. 2.

¹¹² Красовская Ю. Е. О некоторых особенностях музыкального строя пинежских свадебных песен. С. 185.

¹¹³ Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2. 1928. С. 201–234.

¹¹⁴ Там же. С. 224.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 232–233.

полагает на основании приводимых ею фактов, что «кроме передачи игры друг другу существует и несомненная передача ее из поколения в поколение»¹¹⁷.

Лиза Пряслина, по-видимому, также могла в детстве «проигрывать» ситуации свадебного обряда, учась у старших. Сравним эпизод кукольной свадьбы, описанный Левиной, и сцену свадьбы Лизки и Егорши в романе Абрамова.

В игре кукла — мать жениха, «поваруха», угощает гостей на пиру («княжком столе»): «Матери жениха, Олене Тимофеевне, дается ореховая скорлупа, и она еще раз торжественно ставит ее на стол, низко кланяясь трижды поясным поклоном. <...>

— Поешьте, покушайте, честные гости (*жениху*) — Иван Егорыч, поешь, покушай»¹¹⁸.

И так всем гостям — участникам свадебного пира по очереди, с поклонами, «поваруха» предлагает отведать обрядового пива из игрушечной «ендовы́» — ореховой скорлупки. В традиционном полном свадебном обряде, как и в кукольной игре, этот эпизод, приведенный нами по описанию пира в доме жениха после венца, повторяется на следующий день в доме невесты («хлебины»). Там гостей угощает уже мать невесты: «Все совсем так же, только за поваруху пускай будет Катерина Васильевна, и она скаже: “Просим покорно, поешьте, выкушайте хлеба-соли хозяйского”»¹¹⁹.

В романе Абрамова описан сокращенный свадебный обряд послевоенного времени, когда оба пира — и «княжой стол», и «хлебины» — совмещаются в один, и проходит он в доме невесты, за неимением хозяйки в доме жениха. Вместо матери, подавленной ситуацией, заставившей их с Михаилом ради семьи выдать Лизку за явно недостойного ее жениха, гостей угощает сама невеста. Она уверенно ведет обрядовый стол. «Уставны» и ее слова, и поведение, что вызывает одобрение присутствующих односельчанок, которые с этого момента будут уважительно называть ее по имени-отчеству: Лизавета Ивановна.

«— Кушайте, пейте, гости дорогие.

Учтиво, по-старинному поклонилась Лизка направо и налево. <...>

— Брателко родимой, Михаил Иванович! Уж и как мне звать-величать тебя... И за брата, и за отца ты мне был...».

Глубокая серьезность в игре, с которой дети стремились, как можно более точно передать обрядовые действия и тексты, отмеченная И. М. Левиной, позволяла им прочувствовать и твердо усвоить столь сложное художественное явление, как традиционная свадьба. Несомненно, Лиза Пряслина также обладала таким игровым опытом, во всяком случае, мы можем видеть это в сцене ее игры

¹¹⁷ *Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера / Гос. институт истории искусств. Л., 1927–1928. Вып. 2. 1928. С. 233.

¹¹⁸ Там же. С. 219.

¹¹⁹ Там же. С. 221.

«в семью» в романе «Братья и сестры». Двенадцатилетняя Лизка играет с младшими братишками и сестренкой, «проживая» с ними семейные, хозяйственные ситуации, подсмотренные у взрослых.

«— Робятница, — то и дело раздаётся ее сердитый голосок, — не мешайте вы мне, не путайтесь под ногами. У меня корова не доена, печь не топлена. И что за наказание такое? Без матери шагу не ступят...<...>

...Так уж положено: раз дети, то они непременно должны мешать хозяйке и на них непременно надо покрикивать.

Прибрав свое черепушечное хозяйство, расставленное все в том же углу между крыльцом и стеной избы, Лизка берет веник, подметает сор, потом, приставив к зеленым, острым, как у кошки, глазенкам худые, измазанные в земле руки, смотрит на солнышко.

— О, господи! — хлопает она себя по бедрам, приседая. — Солнышко с полудника повернуло, а у меня и конь не валялся. Придут мужики с пожни голодные, сердитые. Чем кормить буду?

Лизка с еще большим усердием начинает хлопотать вокруг черепков и баночек, время от времени поглядывая на своих “мужиков” — послушных, неразговорчивых мальчуганов Петьку и Гришку; они за дорогой, возле изгороди, ползая на коленях, рвут мокрицу, сооружают игрушечные стога.

Вскоре “мужики” и в самом деле возвращаются домой.

Лизка усаживает их на низенькие чурочки, заменяющие стулья, заводит хозяйственный разговор:

— Как ноне сенá-то? Прокормим коровенку?»¹²⁰.

Выйти из игровой ситуации детей заставляет уже не «игровой», а самый настоящий голод. Только вот чем тут может им помочь двенадцатилетняя «хозяйюшка», которая, как и все ее малые подопечные, ждет — не дождется задержавшуюся на колхозной работе мать...

В середине XX века песенная и вообще художественная традиционная культура в значительной своей части ушла из повседневного быта в глубину душевной жизни северных крестьян. Тем не менее, именно она питает чистые истоки народной души, и это наглядно показывает сравнительный анализ фольклорных явлений, присутствующих в произведениях Федора Абрамова, и записей фольклористов, притом в диахронном ракурсе — записи 1927–1930-х и 1970–1990-х гг. Скупые цитации фольклорных произведений, появляющиеся в абрамовском тексте, всегда значимы и играют в нем важную роль. Тщательно подобранные писателем, они либо служат поэтическим образным фоном, контрапунктом описываемых событий, либо, вследствие своей знаковой роли в сознании носителей традиции, играют роль драматургического «поворота» в сюжете.

¹²⁰ Абрамов Ф. А. Братья и сестры. Гл. 22. С. 125.

В романах, повестях и рассказах Абрамова отразилась жизнь пинежских крестьян — земляков писателя в трагический период катаклизмов XX века. Для жителей Русского Севера это были особенно тяжелые испытания — суровая природа, заставлявшая их постоянно бороться за жизнь, безжалостность государства, требовавшего от своих граждан вольного, а бывало, и невольного, участия в общих усилиях выстоять перед врагом, а потом и поднять страну из разрухи. Жесткая идеологическая система не смогла вытравить из духовной жизни народа вековые нравственные и художественные традиции, в том числе и разнообразные формы и жанры фольклора, охватывающие буквально все стороны народной жизни¹²¹. И эта богатая духовно и песенно, народная жизнь широкой панорамой вошла в творчество писателя, отразилась в ярких характерах его героев, щедро наделенных талантом и живой душой¹²².

Фольклорные тексты в произведениях Федора Абрамова на фоне публикаций фольклора Пинежья отличаются близостью к традиционным вариантам. Они, как показывает сравнительный анализ, либо записаны писателем от земляков (или памятны ему с детских и юношеских лет), либо воссозданы им очень близко к традиции. Глубокое знание жизни пинежской деревни, включающей фольклорные явления, постоянное стремление познать эти явления глубже и художественная интуиция помогли ему создать авторские варианты различных фольклорных жанров: заговора, причитаний, детской ролевой игры, достоверные с точки зрения традиционного канона. Наряду с дословно цитируемыми текстами лирических песен, свадебной, хороводной и частушек, эти образцы создают правдивый, художественно полноценный образ «песенной души» пинежан.

Литература

- Абрамов Ф.А. Братья и сестры: Роман // Абрамов Федор. Собрание сочинений: В 6 т. Л.: Художественная литература, 1990. Т. 1.
- Абрамов Ф.А. Возжечь человеческое... Из выступления по архангельскому телевидению // Абрамов Федор. Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 5. С. 315–323.

¹²¹ Судя по истории издания сочинений Абрамова, «система» упорно боролась с живым народным словом и в его текстах, постоянно заставляя его вырезать при публикации самые яркие и насыщенные фольклором эпизоды (например, похороны Трофима с причетами, сцена поющей жестокий романс и частушки Лизы, оставшиеся неопубликованными в ранних редакциях).

¹²² К подобным же выводам приходит А. И. Чухланцева, посвятившая свою диссертацию теме фольклоризма в творчестве Ф. Абрамова. Показательно, что материалом исследования, помимо общего с нашей работой цикла «Трава-мурава», послужили другие произведения писателя: «ранние рассказы Ф. Абрамова, повесть “Деревянные кони”, <...> и итоговое произведение “Чистая книга”» (Чухланцева А. И. Фольклоризм прозы Ф. Абрамова 1970–1980-х годов: характер, эволюция, типы заимствований. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Бирск, 2010. С. 4).

- Абрамов Ф.А.* Две зимы и три лета: Роман // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит-ра, 1990. Т. 1.
- Абрамов Ф.А.* Дневниковые записи: О сказке // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 164–165.
- Абрамов Ф.А.* Дом: Роман // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит-ра, 1991. Т. 2.
- Абрамов Ф.А.* Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета» // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит-ра, 1990. Т. 1.
- Абрамов Ф.А.* Кому-то и робить надо / Трава-мурава // *Абрамов Ф.А.* Жарким летом: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 304–305.
- Абрамов Ф.А.* Куда девалась нечистая сила / Трава-мурава // *Абрамов Ф.А.* Жарким летом: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 329.
- Абрамов Ф.А.* Мамониha: Повесть // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит-ра, 1991. Т. 3.
- Абрамов Ф.А.* О Н.Л. Котиковой // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 5. С. 365–367.
- Абрамов Ф.А.* О творчестве // Литературные портреты и статьи // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 5. С. 449–450.
- Абрамов Ф.А.* О языке // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 5. С. 452.
- Абрамов Ф.А.* Пелагея: Повесть // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит-ра, 1991. Т. 3.
- Абрамов Ф.А.* Письмо к А.Ф. Абрамовой / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 284–285.
- Абрамов Ф.А.* Письмо к Н.А. Клоповой от 21.01.1983 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 367–368.
- Абрамов Ф.А.* Письмо к Ф.Ф. Мельникову от 18.05.1959 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 440.
- Абрамов Ф.А.* Письмо к Г.Я. Симиной от 18.12.1967 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 259–260.
- Абрамов Ф.А.* Письмо к П.А. Худякову от 29.08.1972 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 458–459.
- Абрамов Ф.А.* Письмо к П.А. Худякову от 18.09.1974 / Письма // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 460.
- Абрамов Ф.А.* Последняя страда / Трава-мурава // *Абрамов Ф.А.* Жарким летом: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 354–355.
- Абрамов Ф.А.* Пути-перепутья: Роман // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит-ра, 1991. Т. 2.
- Абрамов Ф.А.* Язык, на котором говорит время: Ответы на вопросы «Литературной газеты» // *Абрамов Федор.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 5. С. 216–221.
- Агапкина Т.Л.* Осина // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: 2011. 2-е изд. С. 348–349.
- Астахова А.М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 33–76.

- Богатырев П. Г.* Ворования великорусов Шенкурского уезда Архангельской губернии // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4.
- Гиттиус Е. В.* Культура протяжной песни на Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 98–116.
- Заговоры и заклинания Пинежья / Вступ. ст., подгот. текстов, коммент. А. А. Ивановой. Карпогоры, 1994.
- Карнаухова И. В.* Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 77–97.
- Колтакова Н. П.* Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 117–176.
- Колтакова Н. П.* У золотых родников (записки фольклориста) / Изд. подгот. А. Ф. Некрылова, А. В. Грунтовский; Вступ. ст. В. Е. Гусева. СПб.: Русская земля, 2002.
- Кнатиц Е. Э.* «Метице» — праздничное гулянье в Пинежском районе // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 188–200.
- Красовская Ю. Е.* О некоторых особенностях музыкального строя пинежских свадебных песен // Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М.: МГУ, 1980 (Сер.: Русский традиционный фольклор в современных записях).
- Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метице // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 201–234.
- Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко // Труды Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. М., 1877. Кн. 5. Вып. 1.
- Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2: Народная словесность // Труды Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. М., 1878. Кн. 5. Вып. 2.
- Мезенская традиционная свадьба в записи М. Н. Мякушина / Подгот. и коммент. Е. И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2006. Вып. 6. С. 335–419.
- Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М.: МГУ, 1980 (Сер.: Русский традиционный фольклор в современных записях).
- Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд / Под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1937. Кн. 2.
- Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск: Северо-Зап. книжн. изд-во, 1973.

- Свод русского фольклора: Былины: В 25 т. Т. 7: Былины Пинеги. СПб.: Наука, 2012.
- Чухланцева А.И. Фольклоризм прозы Ф. Абрамова 1970–1980-х годов: характер, эволюция, типы заимствований. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Бирск, 2010.
- Эвальд З.В. Песни свадебного обряда на Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1927–1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. 1928. С. 177–187.

References

- Abramov F.A. Brat'ja i sestry: Roman // Abramov Fedor. Sobranie sochinenij: V 6 t. L.: Hudozhestvennaja. literatura, 1990. T. 1.*
- Abramov F.A. Dnevnikovye zapisi: O skazke // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 164–165.*
- Abramov F.A. Dom: Roman // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. L.: Hudozh. lit-ra, 1991. T. 2.*
- Abramov F.A. Dve zimy i tri leta: Roman // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. L.: Hudozh. lit-ra, 1990. T. 1.*
- Abramov F.A. Iz rannih redakcij romana "Dve zimy i tri leta" // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. L.: Hudozh. lit-ra, 1990. T. 1.*
- Abramov F.A. Jazyk, na ktorom govorit vremena: Otvety na voprosy «Literaturnoj gazety» // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1993. T. 5. S. 216–221.*
- Abramov F.A. Komu-to i robit' nado / Trava-murava // Abramov F.A. Zharkim letom: Rasskazy. L.: Sov. pisatel', 1984. S. 304–305.*
- Abramov F.A. Kuda devalas' nechistaja sila / Trava-murava // Abramov F.A. Zharkim letom: Rasskazy. L.: Sov. pisatel', 1984. S. 329.*
- Abramov F.A. Mamonih: Povest' // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. L.: Hudozh. lit-ra, 1991. T. 3.*
- Abramov F.A. O jazyke // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1993. T. 5. S. 452.*
- Abramov F.A. O N.L. Kotikovej // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1993. T. 5. S. 365–367.*
- Abramov F.A. O tvorcestve // Literaturnye portrety i stat'i // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1993. T. 5. S. 449–450.*
- Abramov F.A. Pelageja: Povest' // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. L.: Hudozh. lit-ra, 1991. T. 3.*
- Abramov F.A. Pis'mo k A. F. Abramovoj / Pis'ma // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 284–285.*
- Abramov F.A. Pis'mo k P. A. Hudjakovu ot 29.08.1972 / Pis'ma // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 458–459.*
- Abramov F.A. Pis'mo k P. A. Hudjakovu ot 18.09.1974 / Pis'ma // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 460.*
- Abramov F.A. Pis'mo k N. A. Klopovoj ot 21.01.1983 / Pis'ma // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 367–368.*
- Abramov F.A. Pis'mo k F. F. Mel'nikovu ot 18.05.1959 / Pis'ma // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 440.*
- Abramov F.A. Pis'mo k G. Ja. Siminnoj ot 18.12.1967 / Pis'ma // Abramov Fedor. Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1995. T. 6. S. 259–260.*

- Abramov F.A.* Poslednjaja strada / Trava-murava // *Abramov F.A.* Zharkim letom: Rassказы. L.: Sov. pisatel', 1984. S. 354–355.
- Abramov F.A.* Puti-pereput'ja: Roman // *Abramov Fedor.* Sobr. soch.: V 6 t. L.: Hudozh. lit-ra, 1991. T. 2.
- Abramov F.A.* Vozzhech' chelovecheskoe... Iz vystuplenija po arhangel'skomu televideniju // *Abramov Fedor.* Sobr. soch.: V 6 t. SPb.: Hudozh. lit-ra, 1993. T. 5. S. 315–323.
- Agapkina T.L.* Osina // Slavjanskaja mifologija: enciklopedicheskij slovar'. M.: 2011. 2-e izd. S. 348–349.
- Astahova A.M.* Zagovornoe iskusstvo na reke Pinege // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 33–76.
- Bogatyrev P.G.* Verovanija velikorusov Shenskurskogo uezda Arhangel'skoj gubernii // Etnograficheskoe Obozrenie. 1916. № 3–4.
- Chuhlanceva A.I.* Fol'klorizm prozy F. Abramova 1970–1980-h godov: harakter, evoljucija, tipy zaимstvovanij. Avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Birk, 2010.
- Eval'd Z.V.* Pesni svadebnogo obrjada na Pinege // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 177–187.
- Gippius E.V.* Kul'tura protjazhnoj pesni na Pinege // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 98–116.
- Karnauhova I.V.* Sueverija i byval'shhiny // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 77–97.
- Kolpakova N.P.* Svadebnij obrjad na r. Pinege // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 117–176.
- Kolpakova N.P.* U zolotyh rodnikov (zapiski fol'klorista) / Izd. podgot. A.F. Nekrylova, A.V. Gruntovskij; Vstup. st. V.E. Guseva. SPb.: Russkaja zemlja, 2002.
- Knatc E.E.* "Metishhe" — prazdnichnoe guljan'e v Pinezhskom rajone // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 188–200.
- Krasovskaja Ju. E.* O nekotoryh osobennostjah muzykal'nogo stroja pinezhskih svadebnyh pesen // Obrjadovaja poezija Pinezh'ja: Materialy fol'klornyh jekspedicij MGU v Pinezhskij rajon Arhangel'skoj oblasti (1970–1972 gg.) / Pod red. N.I. Savushkinov. M.: MGU, 1980 (Ser.: Russkij tradicionnyj fol'klor v sovremennyh zapisjah).
- Levina I.M.* Kukul'nye igry v svad'bu i metishhe // Krest'janskoe iskusstvo SSSR: Iskusstvo Severa: Sb. sekcii krest'jan. isk-va komiteta sociol. izuchenija iskusstv / Gos. institut istorii iskusstv. L.: Academia, 1927–1928. Vyp. 2: Pinezhsko-Mezenskaja ekspedicija. 1928. S. 201–234.

- Materialy po etnografii russkogo naselenija Arhangel'skoj gubernii, sobrannye P. S. Efimenko // Trudy Etnograficheskogo otdela IOLEAiJe. M., 1877. Kn. 5. Vyp. 1.
- Materialy po etnografii russkogo naselenija Arhangel'skoj gubernii, sobrannye P. S. Efimenko. Ch. 2: Narodnaja slovesnost' // Trudy Etnograficheskogo otdela IOLEAiJe. M., 1878. Kn. 5. Vyp. 2.
- Mezenskaja tradicionnaja svad'ba v zapisi M.N. Mjakushina / Podgot. i komment. E. I. Jakubovskoj // Iz istorii russkoj fol'kloristiki. SPb.: Nauka, 2006. Vyp. 6. S. 335–419.
- Obrjadovaja poezija Pinezh'ja: Materialy fol'klornyh ekspedij MGU v Pinezhskij rajon Arhangel'skoj oblasti (1970–1972 gg.) / Pod red. N.I. Savushkinoj. M.: MGU, 1980 (Ser.: Russkij tradicionnyj fol'klor v sovremennyh zapisjah).
- Pesni Pinezh'ja: Materialy fonogramm-arhiva, sobrannye i razrabotannye E. V. Gippiusom i Z. V. Eval'd / Pod obshh. red. E. V. Gippiusa. M., 1937. Kn. 2.
- Pinezhskie skazki / Sobrany i zapisany G. Ja. Siminoj. Arhangel'sk: Severo-Zap. knizhn. izd-vo, 1973.
- Svod russkogo fol'klora: Byliny: V 25 t. T. 7: Byliny Pinegi. SPb.: Nauka, 2012.
- Zagovory i zaklinanija Pinezh'ja / Vstup. st., podgot. tekstov, komment. A. A. Ivanovoj. Karpogory, 1994.